

Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева)

Надежда Алексеевна БЕЛЯКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук. Адрес: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32А. E-mail: beliacovana@gmail.com

Никита Юрьевич ПИВОВАРОВ

кандидат исторических наук, главный специалист, Российский государственный архив новейшей истории; ассистент кафедры Истории медицины и философии, Институт социологии, психологии и гуманитарных наук Первого МГМУ им. И.М. Сеченова. Адрес: 115035, Москва, Софийская набережная, д. 34, стр. 1. E-mail: pivovarov.hist@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. (2018) Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. С. 130–149. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные направления взаимодействия советских ведомств и религиозных организаций в международной политике с середины 1950-х до середины 1980-х гг. В это время стабильно расширялись в географическом и профессиональном отношении международные контакты представителей церквей СССР. Показано, что установка на развитие контактов по религиозной линии, материальная поддержка и стимулирование международных связей религиозных организаций СССР были частью т.наз. народной дипломатии, которая использовалась как «мягкая сила» (*soft power*) для распространения советского идеологического проекта. Одновременно в условиях биполярного мира религиозная дипломатия способствовала снижению международной напряженности, являлась каналом аль-

тернативных связей между двумя противостоящими супердержавами. Особенность ситуации заключалась в том, что в Советском Союзе продолжалась идеологическая борьба с религией и ее институтами, а общественно значимая деятельность советских религиозных лидеров адресовалась только зарубежной аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозная дипломатия, холодная война, «поздний» СССР, «народная демократия», РПЦ, МИД, ЦК КПСС, КГБ

Церковная дипломатия стала своеобразным феноменом, используемым советским руководством при разрешении международных вопросов. Уникальность этого явления в том, что атеистическое по идеологической сущности государство в период холод-

ной войны стало систематически использовать контакты религиозных деятелей для разрешения весьма непростых внешнеполитических проблем. В настоящей статье рассматривается один из аспектов широкой темы «религиозное измерение холодной войны» и систематизируются существующие в российской историографии сведения о международной активности религиозных организаций СССР в годы холодной войны. Статья знакомит читателей с комплексом новых документов из государственных архивов. Авторы вводят понятие «церковная дипломатия» для обозначения деятельности официальных представителей конфессий СССР за рубежом в период холодной войны. Этот подход позволяет не только выявить новые акценты в проблеме, но и сформулировать на уровне гипотезы место религиозных внешнеполитических действий в глобальной советской политике. Основной источниковой базой для статьи послужили документы высших партийных (аппарата ЦК КПСС) и государственных структур (Совета по делам религий при Совете министров СССР), внутри которых разрабатывались и утверждались действия советских конфессий на международной арене.

До Второй мировой войны церковная дипломатия как явление отсутствовала, так как в 1920–1930-е гг. большевистское государство поставило своей целью тотальное уничтожение религии в стране как пережитка дореволюционной идеологии¹. В годы Второй

мировой войны атеистическая политика подверглась существенной коррективке и в Советском Союзе наблюдалась частичная легализация церковных структур [Васильева 1999; Шкаровский 1999]. Возрождение имперских притязаний повлекло и реанимацию православных конструкторов, оформившихся еще в ходе Первой мировой войны [Полунов 2012, с. 64–85].

Сегодня несомненным в российской историографии является утверждение, что Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов, формально существовавшие при Совете министров СССР², были созданы во время Второй мировой войны во многом для того, чтобы наладить международное сотрудничество религиозных организаций. В отчете о деятельности Совета по делам РПЦ, направленном И.В. Сталину в 1946 г., заявлялось, что международный авторитет РПЦ в значительной мере укрепился. Поэтому руководство Совета предлагало усилить использование православной церкви в политических интересах СССР³; было сформулировано несколько задач, которые определили «церковную» политику большевиков на международной арене в период позднего сталинизма: политическое противостояние Ватикану, ликвидация греко-католических структур на Украине и в странах Восточной Европы, попытки оторвать католические епархии в СССР от влияния Рима [Волокитина, Мурашко, Носкова 2008; Ярмусик 2006]. Советское руководство предполагало консо-

1 Тем не менее важным толчком к осознанию советской элитой роли религии в международной политике было послание Римского папы Пия XI от 2 февраля 1930 г., который призвал молиться за гонимых христиан в СССР (крестовый поход молитв). В это же время прошла волна протестов в Великобритании против преследований верующих в СССР, был высказан протест архиепископом Кентерберийским. Именно тогда представителями советских дипломатических кругов был выдвинут тезис о том, что опровержение данных о преследованиях будет убедительнее всего звучать из уст самих «церковников» [Венгер 2000; Курляндский 2011; Косик 2013].

2 Совет по делам РПЦ был создан в 1943 г., Совет по делам религиозных культов – в 1944 г. В конце 1965 г. оба Совета были объединены в один – Совет по делам религий, который просуществовал вплоть до 1991 г.

3 РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 3. Оп. 60. Д. 1. Л. 18.

лидировать мировое православие вокруг Москвы, т.е. создать православный, восточный Ватикан. Актуальными были вопросы взаимоотношений Русской церкви с Константинопольским патриархатом, а также о включении в сферу влияния Московского патриархата церковных структур русской эмиграции (или, по крайней мере, нейтрализации их антисоветских выступлений). Представители РПЦ проводили успешные встречи с представителями РПЦЗ, однако включить РПЦЗ в структуру РПЦ при советской власти не удалось. Еще одной важной целью церковной дипломатии первых послевоенных лет было усиление советской внешнеполитической экспансии в Восточной Европе и советского влияния в целом на Ближнем Востоке и в восточных патриархатах.

С 1948 г. (после Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей в Москве) еще одним важным идеологическим противником стал Всемирный союз церквей (ВСЦ). Советское руководство считало его пособником интересов США и Англии. Главным объектом влияния оставались страны Восточной Европы. Так, в записке для И.В. Сталина 1949 г. Г.Г. Карпов, возглавлявший Совет по делам РПЦ, утверждал, что международную деятельность церквей необходимо наращивать, и предлагал «удержать, закрепить и на деле осуществить полный отрыв от Запада православных церквей в странах народной демократии, обеспечив с их стороны поддержку линии русской церкви» [Чумаченко 2008, с. 68–69; Пивоваров 2017, с. 191].

Внедрение просоветских режимов в странах Восточной Европы привело к уменьшению влияния РПЦ в этом регионе. Не удалась попытка создать из Московской патриархии «второй Ватикан». К концу 1940-х гг. интерес советского государства к РПЦ как инстру-

менту внешнеполитического влияния ослабевает, более того, внутри страны наблюдается ужесточение курса в отношении религиозных организаций. Тем не менее, на повестке дня оставались вопросы развития контактов с православными приходами в Западной Европе, поддержание отношений с восточными патриархатами и борьба с влиянием Константинопольского патриархата, возглавляемого с 1948 г. Афинагором (Спиру), которого в Советском Союзе воспринимали как американского ставленника [Король 2013, с. 25–36].

В период позднего сталинизма значимым для Советского Союза оказывается участие РПЦ в антивоенном/миротворческом движении, которое рассматривалось руководством страны как элемент стратегии обеспечения безопасности СССР в условиях экономического и военного превосходства США, содействуя одновременно формированию позитивного миротворческого имиджа Советского Союза [Раева 2016, с. 56]. В апреле 1949 г. РПЦ участвует во Всемирном конгрессе сторонников мира в Праге, ее представители вступают в Советский комитет защиты мира. В дальнейшем предполагалось усилить влияние советских представителей в международном антивоенном движении.

Новый этап церковной дипломатии Советского Союза

С середины 1950-х гг. приоритеты советской внешней политики изменились. Н.С. Хрущев выступал за рядку международной напряженности, он пытался привлечь различные миротворческие силы на сторону Советского Союза. Это в свою очередь активизировало использование потенциала культурной дипломатии, способствовало развитию связей с зарубеж-

ными общественными и культурными организациями. Представители Министерства иностранных дел настойчиво предлагали использовать на международной арене потенциал религиозных организаций, которые теперь стали рассматриваться как дополнительные каналы советского влияния в мире. Образ СССР как атеистического государства, борющегося с религией и дискриминирующего верующих, серьезно ослаблял возможности для культурно-идеологического продвижения идей социализма, особенно в странах третьего мира. Поэтому советские дипломаты обратили внимание на надконфессиональные международные религиозные организации Западной Европы и Америки, оформившиеся в послевоенный период. Они не только показали свою значимость на международной арене, но и могли стать альтернативными каналами связи между двумя противоборствующими политическими лагерями. Новые внешнеполитические векторы нашли отражение в записке 1955 г., подготовленной А.А. Громыко – председателем Комитета информации при МИД СССР⁴. В записке предлагалось возобновить диалог Московской патриархии с руководством ВСЦ. Предложения А.А. Громыко были единогласно одобрены членами Президиума ЦК КПСС, а вскоре отношения между РПЦ и ВСЦ, замороженные с конца 1940-х гг., начали постепенно восстанавливаться [Чумаченко 2010, с. 114; Васильева 2004].

Советы по делам РПЦ и религиозных культов во второй половине 1950-х гг. также выступили с рядом инициатив по расширению внешнеполитической активности своих «подопечных». Если в сталинский период в международные

отношения были включены преимущественно религиозные деятели РПЦ, то теперь на пользу Советскому Союзу должны были действовать представители других конфессий и христианских деноминаций. Совет по делам религиозных культов выступил с рядом предложений для ЦК КПСС и отмечал, что главной задачей Совета является «привлечение религиозных организаций и их деятелей к борьбе за мир, к разоблачению антисоветской пропаганды, ведущейся в зарубежных странах»⁵. Председатель Совета по делам религиозных культов А.А. Пузин предлагал в 1958 г. усилить влияние СССР в мусульманских странах. Его предложения были одобрены Комиссией ЦК КПСС по вопросам культуры, идеологии и международных партийных связей. Постановление «О расширении связей религиозных организаций СССР с религиозными деятелями и организациями стран Ближнего и Среднего Востока» дало возможность отдельным представителям советских мусульман не только чаще выезжать за границу, но и принимать в СССР исламских лидеров из арабских стран. Результатом постановления ЦК КПСС «О мероприятиях в связи с предстоящим 6-м Всемирным конгрессом буддистов» стало развитие контактов между буддистами СССР и Камбоджи, Бирмы, Цейлона, Японии и других стран Востока.

При Н.С. Хрущеве руководство Всесоюзного совета евангельских христиан баптистов (ВСЕХБ) – крупнейшей протестантской организации Советского Союза – установило отношения со своими единоверцами во всем мире, многие из которых были пацифистами. Особое внимание уделялось налаживанию контактов с американскими баптистами

4 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 29. Л. 44.

5 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 211. Л. 82.

для нейтрализации их антисоветских установок. Представители лютеранских церквей Прибалтики установили отношения с влиятельными лютеранскими церквями обеих Германий и Северной Европы, вошли в состав Всемирной федерации лютеранских церквей⁶.

В 1960–1970-е гг. идеологическая борьба между СССР и США развернулась в странах третьего мира, что отразилось и на направлениях церковной дипломатии. Так, в 1965 г. было принято постановление ЦК КПСС о развитии отношений РПЦ с церквями Африканского континента. Благодаря этому постановлению значительно активизировались контакты Московской патриархии с дохалкидонскими церквями. Одновременно расширились контакты со странами латиноамериканского региона. В 1974 г. Политбюро ЦК утвердило постановление о развитии отношений с латиноамериканскими странами. В частности, по линии Совета по делам религий предлагалось увеличить работу с церковными структурами этих государств для вовлечения их в борьбу за мир и международную безопасность. В 1970-е гг. СССР резко активизирует отношения с арабскими странами. В эти годы принимается целый ряд постановлений («О мерах по укреплению позиций Советского Союза в районе Персидского залива», «Об улучшении советско-афганских отношений», о взаимоотношениях с Египтом и т.д.), в которых Совету по делам религий настоятельно рекомендовалось начать тесно взаимодействовать с мусульманскими организациями для «нейтрализации попыток использования ислама и движения исламской солидарности

в антикоммунистических и антисоветских целях». Для решения этих задач предполагалось, в частности, активно вовлекать мусульманское духовенство из среднеазиатских республик. В связи с «арабским» направлением советской внешней политики одним из главных идеологических врагов Москвы в религиозной сфере становится, помимо «реакционного» мусульманского духовенства, сионизм. Например, в 1972 г. Совету по делам религий рекомендовалось проводить систематическую работу среди иудейских священнослужителей, а также устроить специальную конференцию для советских раввинов, на которой осуждались бы международные сионистские организации. Наряду с иудеями к борьбе с сионизмом подключали и представителей других конфессий.

Непросто развивались взаимоотношения с восточными патриархатами. Далеко не всегда представители Московской патриархии успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. Сложные интриги между разными кланами духовенства, историческое противостояние между православными арабами и греками, усиление влияния США через эмигрантские круги на восточные патриархаты – все это затрудняло деятельность представителей РПЦ в нужном для Советского Союза направлении. Иногда активность и участие в сложных политических комбинациях представителей Московского патриархата заканчивались откровенным провалом (например, в 1966 г. из Антиохийского патриархата был выслан представитель Московской патриархии епископ Владимир (Котля-

6 Согласно утверждению посольства СССР, они положительно оценивали поездки лютеранского духовенства СССР в ГДР и ФРГ: «они помогают переходу духовенства ГДР на лояльные позиции по отношению к правительству ГДР, содействуют разоблачению антисоветской клеветы и укреплению позиции противников атомного оснащения бундесвера в ФРГ» (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 211. Л. 45).

ров)) [Чумаченко 2017, с. 40–63]. Можно говорить о неуклонном сокращении влияния РПЦ на православном Востоке к концу 1970-х гг.

Но, пожалуй, главным идеологическим противником СССР на религиозном фронте оставался Ватикан. Президиум, Политбюро и Секретариат ЦК неоднократно принимали постановления, направленные против Ватикана. Например, в 1960 г. члены Президиума ЦК КПСС рассмотрели и утвердили проект постановления об идеологической борьбе с Ватиканом. Руководство КГБ, подготовившее этот проект, предлагало усилить международную роль Пражского христианского движения в защиту мира. К работе предлагалось привлечь представителей англиканской и евангелическо-лютеранской церквей. Московской патриархии предлагалось создать антиватиканский фронт с Константинопольским, Александрийским и Иерусалимским патриархатами, чаще выезжать на зарубежные миротворческие акции, активно участвовать в формировании антиватиканских позиций и настроений⁷. ЦК КПСС с большим недоверием реагировал на любые попытки Ватикана активизировать отношения с церквями в странах Восточной Европы, однако миротворческие инициативы папы Иоанна XXIII советское руководство восприняло положительно. Советские руководители готовы были пойти на контакт с государством Ватикан в миротворческих инициативах, однако всеми силами стремились заблокировать его влияние как центра католической церкви на верующих. Одним из способов нейтрализовать антисоветскую активность Ватикана должны были стать последовательно возрастающие контакты представителей РПЦ с Римом.

Включение церковных представителей в дипломатическую работу, продиктованное идеологическим характером разворачивавшейся холодной войны, предполагало их тесное взаимодействие с советскими ведомствами. Документы показывают наличие скоординированной работы между советами, курировавшими деятельность религиозных организаций, МИДом, ЦК КПСС и КГБ. Например, сотрудники посольств и представительство МИД СССР курировали религиозную ситуацию в странах, писали аналитические записки о реагировании на церковные инициативы, внимательно отслеживали «антисоветские» акции, например публикации о преследовании верующих, критику иерархии Советского Союза и т.п.

За рубежом церковные дипломаты так же действовали в тесном контакте с МИДовскими структурами, используя каналы МИД для переписки с руководителями Совета, площадки посольств – для проведения приемов. Например, в первый выезд делегации буддистов из СССР летом 1960 г. в Камбоджу, Бирму и Цейлон «в каждой стране делегация СССР устраивала в посольствах СССР приемы видных буддийских религиозных и общественных деятелей. Работники наших посольств обратили внимание на то, что на эти приемы приходили все приглашенные, в том числе и те, которые ранее не отвечали на приглашения Посольств СССР»⁸.

К 1960-м гг. церковные дипломаты Советского Союза успешно усиливают свое присутствие в миротворческих организациях и в международных надцерковных структурах. Они занимают влиятельные позиции как внутри меж-

7 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 29. Л. 44.

8 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 211. Л. 90.

дународных объединений региональных церквей, так и в экуменических организациях.

В брежневский период высшие партийное руководство удовлетворительно оценивало международную активность представителей религиозных организаций СССР и признавало необходимость дальнейшего наращивания ресурсов в этой сфере. Церковные контакты окончательно превратились в одну из практик советской дипломатической работы, курированием которой занимался ЦК КПСС.

География и кадры церковной дипломатии

Основными исполнителями советской церковной дипломатии были непосредственно религиозные деятели, лояльность которых не вызывала сомнений у советской власти. Как правило, это были руководители конфессий, а также лица, специально отвечавшие за международные отношения. В хрущевско-брежневский период сформировался достаточно узкий круг профессиональных церковных дипломатов, которые успешно работали во внешнеполитической сфере, часто находясь в изоляции и мало интересуясь реальной религиозной жизнью внутри своей страны.

В Московской патриархии с 1946 г. функционировал специальный Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС), который на много лет стал кузницей дипломатических кадров для РПЦ. Наиболее яркими фигурами, возглавлявшими отдел, были митрополиты Николай (Ярушевич), Никодим (Ротов), митрополит Ювеналий (Поляков). Важную роль в усилении дипломатической активности РПЦ сыграл митрополит Никодим (Ротов). Он считал, что внешнеполитическая деятель-

ность Московской патриархии послужит выходом для Церкви из изоляции и маргинального положения, докажет полезность для коммунистического государства [Никитин 2008]. Он сумел не только сформировать круг ярких церковных дипломатов, которые позднее займут ключевые позиции в РПЦ, но и превратить Московскую патриархию в серьезного игрока на международной арене.

Схожих взглядов о необходимости активизации внешнеполитической деятельности для выхода из маргинального положения внутри СССР придерживались руководители других конфессий. Внутри ВСЕХБ также формируется круг активных международных деятелей: в первую очередь, это председатель ВСЕХБ Я.И. Жидков, секретарь ВСЕХБ и главный редактор «Братского вестника» А.В. Карев, пресвитер Московской церкви ЕХБ М.Я. Жидков. Евангелическо-лютеранские церкви Латвии и Эстонии представляли архиепископы Я.Я. Кийвит и Г.Г. Тур. От лица всех советских мусульман активно выступали председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий З. Бабаханов, председатель Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири муфтий Ш.Ш. Хиялетдинов; председатель духовного управления мусульман Закавказья шейх-уль-ислам Хаким Заде. От буддистов – председатель Духовного управления буддистов СССР Бандидо-хамбо лама Шараров Еши-Доржи.

Советские партийные руководители со второй половины 1950-х гг. санкционировали увеличение количества выездов религиозных делегаций за рубеж; существенно расширилась и география межцерковных контактов [Пивоваров 2017, с. 185–215]. Так, за почти весь хрущевский период за границу выехало около 400 различных религиозных

организаций, а посетило СССР около 200. К концу 1960-х гг. количество выезжающих религиозных деятелей значительно увеличилось, только за 1968–1969 гг. за границу выехали 123 делегации, в состав которых входило 530 чел. [Король 2013, с. 27–28]. В 1970-е гг. советское руководство отправляло за границу более тысячи подобных делегаций, а в СССР ежегодно приезжало до 300 различных религиозных делегаций. В период «разрядки» мы наблюдаем существенное расширение географии советской церковной дипломатии: Африка, Латинская Америка, Азия попали в сферу влияния. Безусловным «рекордсменом» по количеству отправляемых делегаций была РПЦ, представители которой ежегодно выезжали за рубеж в годы холодной войны, а «аутсайдерами» – представители иудейских организаций. На протяжении всей холодной войны советским раввинам лишь дважды было разрешено посетить международные мероприятия. С конца 1970-х и до середины 1980-х гг. число религиозных контактов снизилось из-за начавшейся войны в Афганистане. Особенно заметным было сокращение взаимодействия с западными и мусульманскими странами.

Помимо роста количества поездок за границу по религиозной линии, стабильно увеличивалось число делегаций, посещающих СССР. На протяжении десятилетий в Советский Союз попадали те церковные деятели, которые рассматривались как потенциальные союзники или откровенные друзья Москвы. Чаще всего в СССР приезжали представители Англиканской церкви, Антиохийской православной церкви, Всемирного союза баптистов, Румынской и Сербской православных церквей, мусульман Сирии, представи-

тели Всемирного совета церквей, а также руководители органов, отвечающих за взаимодействие с религиозными организациями в странах социалистического лагеря [Пивоваров 2017, с. 200]. Перед церковными дипломатами была поставлена задача устанавливать контакты и приглашать в СССР влиятельных религиозных деятелей, которые могли быть полезны Советскому государству. Самостоятельные инициативы западных религиозных деятелей иногда очень сильно пересекались с советскими интересами в том или ином вопросе [Дик 2017, с. 123–146].

Направления деятельности церковных дипломатов

К началу 1960-х гг. у советских властей сформировалось представление о том, что «внешняя деятельность религиозных организаций СССР, инспирируемая государственными органами, может стать одним из действенных каналов советской пропаганды и контрпропаганды в зарубежных странах, важным средством борьбы за мир»⁹.

Материалы Совета по делам религий и ЦК КПСС свидетельствуют о том, что пропагандистская и контрпропагандистская деятельность за рубежом по церковной линии (понятийный аппарат мы воспроизводим максимально приближенным к оригиналу) развивалась по следующим направлениям.

А) Организация обращений религиозных организаций СССР и их деятелей к духовенству и верующим зарубежных стран по вопросам борьбы за мир. Обычно обращения писались на многих языках и адресовались всем верующим («мусульманам мира», «евреям всех стран», «ко всем христианам»,

9 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 211. Л. 82.

«к католикам», «ко всем протестантским церковным объединениям») или к конкретным религиозным организациям. В обращениях поднимались вопросы ограничения или ликвидации производства ядерного оружия, прекращения гонки вооружений, а также агрессивных действий против отдельных стран (например, Ливана, Иордании).

Б) Подготовка к изданию для зарубежных стран книг о положении религии и церкви в СССР, организация выступлений духовенства по радио и в печати, производство документальных фильмов для заграницы. Первой ласточкой была изданная на многих языках «Правда о религии в России» в 1942 г.¹⁰ Советское руководство оценило издание как положительный опыт. С конца 1950-х гг. концепция успешности пропагандистских изданий об активной религиозной жизни в СССР получает стабильную материальную поддержку. Так, только в 1958–1959 гг. Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана был подготовлен сборник «Правда о религии ислама в СССР», который вышел тиражом более 45 тыс. экз.: в Индии – 15 000, Индонезии – 15 000, ОАР – 10 000, Ливане – 5 000 и Ираке – 5 000 экземпляров. Тогда же были изданы Советским информбюро художественные альбомы «Памятники ислама в СССР» и «Жизнь мусульман в СССР», где вступительные статьи и подписи были сделаны на арабском, урду, фарси и английском языках. На их издание правительство СССР выделило 100 тыс. инвалютных рублей¹¹. Кроме того, были сняты

документальные фильмы «Жизнь мусульман СССР», «Культура мусульман СССР», «Пребывание в СССР делегации мусульманских деятелей Пакистана», «Гости из Дамаска».

В хрущевский период в Советском Союзе для идеологической борьбы начали использовать радиопередачи. В основном они должны были разоблачать информацию о преследованиях и ограничениях прав верующих в СССР (это было особенно актуально в условиях развернувшейся хрущевской антирелигиозной кампании). Например, в течение 1960 г. организованы радиопередачи: на Индонезию – 9, Пакистан – 12, Иран – 10, Афганистан – 7, Бирму – 17, Японию – 5, Италию – 6, Францию – 3, Голландию – 3, Грецию – 2, Швецию – 2, Финляндию – 3, Португалию – 2, США – 20, Латинскую Америку – 12, Англию – 2.

Особая потребность в распространении «правильной» информации возникла после подписания Хельсинкских соглашений в 1975 г. Так, в совместной записке председателя КГБ Ю.В. Андропова, руководителя МИД СССР А.А. Громыко и секретарей ЦК КПСС Б.Н. Пономарева и К.Ф. Кагушева от 9 декабря 1975 г. подчеркивалась необходимость усиления информационной пропаганды. В частности, Совет по делам религий, используя ресурсы АПН, должен был опубликовать на ведущих европейских языках данные о количестве действующих церквей и культовых заведений в СССР, а также сведения, подтверждающие наличие в Советском Союзе материальных условий, обеспечивающих свободу вероисповедания.

10 Примечательно, что с инициативой выпуска книги-альбома «Правда о религии в СССР» (так первоначально называлась книга) выступил руководитель НКВД Л.П. Берия. Книга должна была стать ответом на немецкую пропаганду о советской антирелигиозной политике. В частности, Л.П. Берия предлагал И.В. Сталину «используя имеющуюся агентуру по церковникам, подготовить силами работников Московской патриархии книгу-альбом с материалами, изобличающими немцев в варварском отношении к православной церкви и духовенству».

11 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 211. Л. 85.

В) Участие религиозных деятелей СССР в церковных и других международных конференциях и совещаниях. Об особом внимании со стороны советских руководителей к различного рода международным мероприятиям свидетельствует тот факт, что на миротворческие конференции, которые проходили в резиденции московского патриарха в Загорске в 1960–1970-е гг. всегда направлялись послания от высших государственных лиц. Например, участникам конференции представителей церкви СССР и зарубежных стран в Загорске в 1969 г. было направлено послание, подписанное председателем Совмина СССР А.Н. Косыгиным.

Участие официальных представителей СССР в любом случае повышало узнаваемость Советского Союза. Например, первая официально выехавшая делегация адвентистов СССР на Генеральную конференцию АСД в 1975 г. вступала в собрание единоверцев под советским флагом. Присутствие стендов религиозных организаций СССР на международных выставках, выступления и проповеди представителей церкви вынужденно приводили к отказу от демонизации противника, разрушали образ «безбожных коммунистов», хотя информация о преследуемых христианах Востока регулярно выходила на повестку дня (см. о публикациях в защиту преследуемых христиан [Френч 2017; Шлихта 2017]).

Представители советских церквей стремились занять лидирующие позиции в международных миротворческих и специальных антивоенных конференциях (Международное общество друзей примирения, Христианская кон-

ференция в защиту мира, За мир и христианскую цивилизацию). Так, в 1968 г. митрополит Никодим стал председателем комитета по продолжению работы Христианской мирной конференции, в 1975 г. – одним из президентов ВСЦ.

Г) Приглашение в СССР религиозных деятелей зарубежных стран, работа с иностранными туристами, проявляющими интерес к вопросам религии в СССР. Важным направлением церковной дипломатии был прием иностранных туристов и удовлетворение их интереса к религиозной жизни советских граждан. Как и для всех туристических маршрутов по СССР, с середины 1950-х гг. были разработаны маршруты поездок по религиозным местам в СССР и экскурсии к церковным древностям; МИД совместно с СДР собирал и анализировал отзывы посетивших СССР (в зарубежной печати, на радио и т.п.).

Советское руководство санкционировало даже паломнические поездки за рубеж (категорически запрещенные внутри страны) и попыталось использовать их в политических целях¹². Например, перед паломниками в Мекку и Медину ставилась задача формировать позитивный образ СССР – покровителя ислама. Сами советские представители должны были предотвратить возможности использования хаджа в антисоветской пропаганде. Руководитель Совета по делам религиозных культов в 1960 г. утверждал, что «англичане и американцы предпринимают большие усилия для проведения антисоветской пропаганды в дни массового скопления паломников в Мекке, посылая в качестве паломников подкупленных ими

12 Первыми, кто получил официальное разрешение на паломническую поездку, стали мусульмане. С 1953 г. мусульманам-суннитам из СССР было разрешено выезжать ежегодно на хадж в Мекку и Медину на праздник Курбан-байрам, а мусульманам-шиитам с 1968 г. открыли доступ на траурные мероприятия в иранский Мешхед. РПЦ получила возможность отправлять за границу своих паломников только с 1964 г. Первоначально православным разрешали посещать Афон, с 1970 г. – Рим, а с 1975 г. – Иерусалим и другие места Святой Земли.

мусульман из стран Арабского Востока. Они ведут эту пропаганду во время индивидуальных бесед с паломниками и проповедей на массовых собраниях паломников в Мекке. Основные положения этой пропаганды следующие: дружба между СССР и арабским народом противоречит Корану и приведет к гибели арабов и мусульманской религии; тот, кто способствует развитию этой дружбы, не может быть мусульманином; истинными защитниками мусульман являются демократические страны, и в первую очередь Англия и США. Учитывая большую религиозность арабов, антикоммунистическая и антисоветская пропаганда, производимая под флагом религии, может оказать влияние на население стран Ближнего и Среднего Востока»¹³. Паломническая поездка советских католиков в Италию в 1957 г. также должна была предотвратить разыгрывание антисоветской карты Ватиканом, об этом свидетельствует сверхсекретное постановление Президиума ЦК КПСС об отправке верующих-католиков в Италию¹⁴. Советские католики как частные лица должны были продемонстрировать человечность Советского Союза. Согласно подготовленной инструкции, паломникам было предложено беседовать только о миролюбивой политике Советского Союза и одобрительно реагировать на послание папы Пия XII, осуждающее военные действия и применение атомного оружия. На вопросы об установлении дипломатических отношений Москвы и Святого Престола паломникам следовало отвечать, что они просто туристы, но допускают такую возможность при определенных политических условиях.

В условиях усложняющейся конфигурации холодной войны, усилий СССР по налаживанию отношений с Европой в ходе хельсинкского процесса, использования руководством США вопроса о «правах человека» в качестве «ахиллесовой пяты» стран социалистического лагеря любая попытка привлечь внимание к положению верующих в СССР воспринималась высшим советским руководством крайне напряженно, как подрыв международной политики СССР (см. об этом подробнее: [Белякова, Емельянов 2016]). Так, публикация в 1976 г. «Обращения членов христианских церквей СССР», составленного и подписанного советскими религиозными диссидентами, вызвала серьезную озабоченность со стороны советского руководства. Совету по делам религий, МИД СССР и советским посольствам пришлось приложить немало усилий, чтобы уменьшить негативный эффект, вызванный публикацией этого письма, а также от готовящегося к рассмотрению на ассамблее ВСЦ критического письма одного из представителей нелегального Совета Церквей ЕХБ¹⁵. Совет по делам религий провел встречи с руководителями ведомств по делам религий Венгрии, Польши и Чехословакии для выработки единой линии поведения церковных делегаций на заседаниях ВСЦ. Одновременно были проведены встречи с представителями духовенства восточноевропейских стран, которые выступили с критикой руководства ВСЦ. В качестве тяжелой артиллерии было использовано заявление Синода русской православной церкви, в котором говорилось о тенденциозном освещении положе-

13 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 211. Л. 91.

14 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 29. Л. 49.

15 Не признаваемое советским руководством объединение незарегистрированных общин евангельских христиан-баптистов имело к середине 1970-х гг. каналы передачи информации о преследованиях единомышленников, которые часто осуждались советскими судами за распространение информации, порочащей советский строй.

нии религии в СССР. Кроме того, в ВСЦ было направлено большое число писем от архиереев, священнослужителей и рядовых верующих, содержащих однотипные протесты против фальсификаций положения церкви в СССР. Меры, предпринятые Советом, привели к тому, что на официальных заседаниях V Ассамблеи ВСЦ в 1976 г. критика в адрес СССР и других социалистических стран по вопросам прав человека отсутствовала, а материалы от церковных диссидентов не были рассмотрены. Это была, несомненно, дипломатическая победа СССР, но давшаяся серьезными усилиями, так как ряд представителей церковей США, ФРГ и Англии открыто выступали за активизацию обсуждения прав человека в странах соцлагеря.

Главной целью советской церковной дипломатии было формирование благоприятного образа СССР на международной арене. Само присутствие представителей религиозных организаций из СССР, предоставление ими доказательств наличия свободы совести в СССР, отсутствия дискриминации в стране по вероисповедному принципу, презентация советского законодательства о культах – все это должно было разоблачать поступающую от советских церковных диссидентов информацию о преследованиях верующих в стране¹⁶. Советские представители от имени церковей должны были опровергать «клеветнические измышления» о преследовании верующих в СССР и рассказывать международному сообществу о достоинствах советской социалистической системы. В итоге они способствовали расширению сочувствен-

ного отношения к социализму среди влиятельных церковных деятелей Запада. У пацифистских кругов западного мира, осуждавших собственное государственное руководство, миротворчество церковных деятелей из СССР вызывало положительную оценку. Усиление влияния концепций социального христианства, внимание к проблемам массовой нищеты Юга, несправедливое распределение ресурсов, расовая, гендерная и иные формы дискриминации, агрессивная политика США в мире – все это делало интересными для западного слушателя, критически настроенного по отношению к «обществу потребления», выступления религиозных деятелей СССР [Кунтер 2017, с. 162–163]. К тому же, представители советских церковей включились в т. наз. хельсинкский процесс, последовательно делали акцент на концепциях социальной справедливости.

Главной задачей религиозных деятелей была демонстрация Советского Союза как мирной державы, выступающей против растущей военной напряженности и ратующей за постепенное разоружение или хотя бы ограничение гонки вооружений. Миротворческая деятельность церковных дипломатов имела первостепенное значение для советского государства и признавалась значимой международными инстанциями. Патриарх Пимен был даже приглашен в 1982 г. в Нью-Йорк, поскольку Русская церковь вошла в список неправительственных организаций, представители которых получили право выступить перед участниками Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению.

16 С обсуждением положения христиан в странах соцлагеря дело обстояло неблагоприятно. Так, в советских ведомствах циркулировал перевод с английского брошюры «Дискуссия о преследовании христиан за железным занавесом». Эта дискуссия состоялась в Норвежском парламенте 1 февраля 1972 г. В брошюре специально подчеркивалось, что это первый случай всестороннего обсуждения этого вопроса в каком-либо национальном собрании. См. перевод ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 598. Л. 32–65.

В контексте миролюбивой политики Советского государства церковные дипломаты должны были комментировать военные конфликты и столкновения, происходившие в мире, и давать им оценку, предлагаемую КПСС. Например, Всемирная миротворческая конференция, проходившая в Москве в июле 1977 г., «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (на конференции присутствовало почти 660 влиятельных религиозных деятелей из 107 стран) приняла декларацию о праве палестинского народа на создание собственного государства, заявила о необходимости вывода израильских войск с оккупированных территорий, осудила расизм, апартеид и колониальное угнетение, заклеймила позором диктаторские режимы в странах Латинской Америки, и прежде всего хунту Пиночета [Куроедов 1981, с. 219–222]. В 1980 г. церковные структуры были подключены к пропагандистской борьбе против размещения американских крылатых ракет в Западной Европе. Для развития этого направления партийные структуры готовы были даже усилить международные контакты РПЦ и Ватикана, несмотря на осложнения в связи с польскими событиями.

Миротворческая деятельность церковных структур положительно оценивалась советскими политиками. Например, на встрече первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР В.В. Кузнецова и главы ОВЦС митрополита Филарета (Вахромеева) в 1983 г., прошедшей по итогам всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы»,

советский руководитель отметил, что «за рубежом к голосу русской православной церкви прислушиваются скорее, чем к высказываниям политических деятелей»¹⁷.

Впрочем, радикальные и не всегда успешные силовые акции Советского Союза ставили под удар наработанные позиции церковных дипломатов. Например, ввод войск в Чехословакию в 1968 г. подорвал платформу для взаимодействия религиозных деятелей Восточной Европы, серьезно осложнил позиции советских представителей даже в такой просоветской организации, как Пражская христианская мирная конференция (ХМК)¹⁸. Деятельность канцелярии ХМК оказалась на некоторое время парализованной вследствие негативного отношения к советским представителям чехословацких чиновников. Усилия по нормализации отношений с исламским миром были, в свою очередь, подорваны вводом войск в Афганистан в 1979 г., хотя советские ведомства увеличили радиовещание на исламскую аудиторию и попытались продолжить работу с представителями ислама. Однако образ СССР как противника ислама был успешно запущен в условиях идеологической борьбы в третьем мире.

Наряду с миротворческой деятельностью, направленной на «разрядку международной напряженности», представители Советского Союза активно участвовали в экуменическом диалоге. Например, в годы холодной войны новым явлением в диалоге религиозных организаций становится организация системы двух- и многосторонних богословских диалогов (в том числе, в рамках деятельности ВСЦ) с пред-

17 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2520. Л. 7.

18 Она была основана по инициативе авторитетного лидера христианского миротворческого движения чешского теолога профессора Йозефа Громадки (1889–1969), которого на посту председателя Христианской мирной конференции сменил митрополит Никодим (Ротов).

ставителями других христианских конфессий. Как отмечала исследовательница К. Кунтер, начиная с 1970-х гг. внутри западных церквей постепенно сходит на нет антикоммунистический дискурс, доминировавший в 1950–1960-е гг. Одновременно на Западе перестают привлекать внимание общественности репрессии и ограничения, которым систематически подвергались христиане в Восточной Европе. Вместе с тем политика разрядки способствовала появлению новой перспективы партнерства и готовности учиться друг у друга. Участники с протестантской стороны всерьез воспринимали диалог между Востоком и Западом как концепт и практику, которые могут служить упрочнению мира [Кунтер 2017, с. 153].

Наряду с глобальной целью (формирование благоприятного образа СССР), церковные дипломаты решали вполне конкретные задачи. Например, в первые послевоенные годы православное духовенство уделяло самое пристальное внимание идеологической работе с русской эмиграцией. Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов считал, что Московская патриархия сыграла решающую роль в принятии многими бывшими эмигрантами советского гражданства. Огромная заслуга в этом была митрополита Николая (Ярушевича). Его проповеди в Англии, Франции, Финляндии произвели большое впечатление на слушателей, были откровением для многих русских эмигрантов¹⁹.

Иногда церковная дипломатия предшествовала дипломатии официальной, открывая путь к большим межгосударственным отношениям. Показательна поездка сербского патриарха Викен-

тия в 1956 г., предшествовавшая возобновлению отношений между СССР и Югославией, разорванных при Сталине²⁰.

На встречах религиозных деятелей могли рассматриваться те проблемы, которые были невозможны по линии официальной дипломатии. Например, авторитетный богослов, участник сопротивления, пастор Евангельско-лютеранской церкви М. Нимёллер во время поездки в СССР в 1952 г. попытался поднять вопрос о судьбе немецких и австрийских военнопленных²¹, а нигерийский архиепископ Лукос в 1954 г. провел переговоры с советскими внешнеполитическими ведомствами о установлении торговых связей между Советским Союзом и Нигерией (имевшей статус британской колонии). Архиепископ предлагал импортировать в СССР продукты сельского хозяйства (каучук, кофе, черный перец, имбирь, земляной орех, коровьи шкуры и т.д.)²², а вывозить советские промышленные товары (легковые и грузовые автомобили, складные кровати, мужское и женское нижнее белье, пишущие машинки, лекарственные препараты и т.д.). Он даже открыл специальную фирму в Амстердаме для торговли с Москвой.

Обсуждались во время переговоров и финансовые вопросы. Так, в первые послевоенные годы через РПЦ финансовая помощь предоставлялась практически всем восточным патриархам. Например, в 1945 г. митрополит Николай (Ярушевич) пытался передать Вселенскому патриарху Максиму 50 тыс. долл. в качестве подарка от Московского патриарха Алексия. Однако турецкое руководство отказалось предоставлять визу русскому митрополиту²³. Весо-

19 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 101.

20 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 30. Л. 102.

21 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 30. Л. 128.

22 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 31. Л. 24.

мую финансовую помощь получил в 1946 г. митрополит Софийский Стефан. Он просил через патриарха Алексия кредит на 10 лет на общую сумму в 30 млн лев. Г.Г. Карпов предлагал выделить лишь 15 млн, но ситуацию неожиданно изменил И.В. Сталин. На записке Г.Г. Карпова он поставил резолюцию, разрешавшей дать Болгарской православной церкви больше 30 млн лев. В итоге митрополит Стефан сумел получить 50 млн лев, что было эквивалентно на тот момент 2,5 млн руб.²⁴ Регулярную финансовую помощь получал Александрийский патриарх. В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 г. через РПЦ на счета Александрийского патриарха ежегодно поступало до 20 тыс. долл. [Чумаченко 2010, с. 109]. Советское правительство могло ставить условия для получения такой поддержки. Например, в 1957 г. председатель КГБ И.А. Серов предлагал передать 200 тыс. руб. местоблюстителю Киликийского католикосата для пропаганды против дашнаков. Это предложение было единогласно одобрено всеми членами Президиума ЦК КПСС. Щедрые кредиты и подарки способствовали формированию благоприятного образа Москвы, и зарубежные церковные деятели старались регулярно выторговывать такого рода поддержку.

Расширение круга и географии церковных контактов требовало постоянного увеличения финансирования этой деятельности, и высшее советское руководство было вынуждено платить дорожную цену в дефицитной для СССР валюте. Наметившаяся зависимость совет-

ской внешней политики от церковной дипломатии позволяла настаивать на увеличении финансирования этого направления. Так, например, в 1972 г. представители РПЦ во ВСЦ писали в церковные и советские инстанции о необходимости увеличить взнос РПЦ в генеральный бюджет ВСЦ до 50 тыс. долл. и обеспечить постоянное присутствие РПЦ при ВСЦ. В противном случае они заявляли о неизбежном обсуждении неприятных для СССР тем²⁵, «дабы угодить тем, кто больше платит» (в первую очередь, консервативным евангеликам)²⁶. Таким образом во взаимоотношениях церковных дипломатов с советским руководством выработалась определенная «система торга», в которой международная деятельность была важным основанием для требований смягчения антирелигиозной политики внутри страны.

Выводы

Ограничение контактов с западным миром, проводимое советским руководством, заметно осложнило, но не оборвало полностью отношения между религиозными организациями на международной арене. Новый период церковной дипломатии приходится на хрущевский период, когда была сформулирована концепция использования религиозного фактора в качестве «мягкой силы», а представители всех крупных конфессий должны были активизировать международные контакты и усилить антивоенную риторику. В брежневский период последовательно увеличивался обмен делегаци-

23 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 31. Л. 58.

24 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 115.

25 Болезненными темами в конце 1970-х гг. по сообщениям советских представителей были следующие: положение евреев и других национальных меньшинств в СССР, положение верующих, особенно баптистов, нарушение прав человека, «карательная психиатрия» и др.

26 ГА РФ. 1972 г. Оп. 6. Д. 499 (отчеты представителей МП при ВСЦ). Л. 68, 69.

ями по религиозной линии и усиливалась идеологическая работа в странах третьего мира. Церковная дипломатия стала своеобразным инструментом, используемым высшим руководством страны для формирования позитивного имиджа СССР, усиления влияния на миротворческое движение, поддержания интереса к восточной духовности, культурной роли религии в жизни общества. Однако, несмотря на демонстрацию свободы совести для внешних реципиентов, продолжавшаяся дискриминация верующих и административная борьба с религией внутри СССР создавала серьезные проблемы для представителей СССР на международной арене. При этом, расходуя значительные ресурсы на поддержание религиозной дипломатии, советское руководство не учитывало тенденций в дипломатии западных стран, где церкви в своей международной активности отражали общественные настроения, часто оппозиционные или альтернативные официальному государственному дискурсу.

Список литературы

- Белякова Н. (2017) Церкви в холодной войне. Введение // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. С. 7–18.
- Белякова Н.А., Емельянов К.С. (2016) Духовные поиски, тамиздат и самиздат в условиях Холодной войны: судьба Зои Крахмальниковой // История. Т. 7. Вып. 9(53) // <http://history.jes.su/s207987840001597-5-1>, дата обращения 03.07.2018.
- Васильева О.Ю. (1999) Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: Институт российской истории.
- Васильева О.Ю. (2004) Русская православная церковь и Второй Ватиканский Собор: факты, события, документы. М.: Лепта-Пресс.
- Венгер А. (2000) Рим и Москва. 1900–1950. М.: Русский путь.
- Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. (2008) Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М.: РОССПЭН.
- Дик Й. (2017) Меннониты Северной Америки и СССР в середине 1950-х годов: маленькие люди и большая политика // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. С. 123–146.
- Король В.Л. (2013) Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви на международной арене (1956–1991) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. № 2(152). С. 25–37.
- Косик О.В. (2013) Голоса из России: Очерки сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М.: Издательство ПСТГУ.
- Кунтер К. (2017) Был ли третий путь? Всемирный совет церквей в период холодной войны // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. С. 147–163.
- Курыляндский И.А. (2011) Сталин, власть, религия (религиозный фактор во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле.
- Куроедов В.А. (1981) Религия и церковь в советском государстве. М.: Издательство политической литературы. С. 219–222.
- Никитин Августин (архим.) (2008) Церковь плененная: митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха в воспоминаниях современников. СПб.: Издательство СПбУ.
- Пивоваров Н.Ю. (2017) Кого приглашали в СССР и кого отправляли за

границу по религиозной линии (1943–1985) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. С. 185–215.

Полунов А.В. (2012) Православие на международной арене. 1914–1918. Историко-культурный концепт и его эволюция // Россия XXI. № 6. С. 64–85.

Раева Т.В. (2016) Особенности институциональной организации советского миролюбия в эпоху холодной войны // Управление в современных системах. № 4(11). С. 56–60.

Френч Э. (2017) Майкл Бурдо и Центр по изучению религии и коммунизма в контексте защиты религиозной свободы (1959–1975) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. С. 216–243.

Чумаченко Т.А. (2008) «Союз церквей социалистического лагеря»: Совет по делам РПЦ и эволюция взаимоотношений Московской патриархии с православными церквями стран «народной демократии» в 1948–1953 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 1(11). С. 67–81.

Чумаченко Т.А. (2010) Совет по делам РПЦ и Московская патриархия в решении внешнеполитических задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 4. С. 107–123.

Чумаченко Т. (2017) К вопросу об объявлении в 1966 г. представителя Московского патриархата при Антиохийском патриархе епископа Владимира (Котлярова) *persona non grata* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. С. 40–63.

Шкаровский М.В. (1999) Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М.: Изд-во Крутицкого подворья.

Шлихта Н. (2017) Как учредить «антисоветскую организацию»: к истории Кестонского института и письма верующих из Почаева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1. С. 244–267.

Ярмусик Э.С. (2006) Католический костел в Беларуси в 1945–1990 годах. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.

Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the Time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev)

Nadezhda A. BELYAKOVA

PhD in History, Senior Researcher, Institute of the World History of the Russian Academy of Sciences. Address: 32A, Leninskij Av., Moscow, 119334, Russian Federation. E-mail: beliacovana@gmail.com

Nikita Yu. PIVOVAROV

PhD in History, Chief Specialist, Russian State Archive of Contemporary History; Assistant of the Department of History of Medicine and Philosophy, Institute of Sociology, Psychology and Humanities of the First MG MU. I.M. Sechenov. Address: bldg 1, 34, Sofijskaya Embankment, Moscow, 115035, Russian Federation. E-mail: pivovarov.hist@gmail.com

CITATION: Belyakova N.A., Pivovarov N.Yu. (2018) Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the Time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 130–149 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149

ABSTRACT. *This article will be consider the main areas of cooperation between Soviet departments and religious organizations in international politics from the mid-1950s to the mid-1980s. Contacts of the representatives of the churches of the USSR steadily expanded in geographical and religious terms at that time. The article shows that the establishment of contacts under the religious line, material support and promotion of international relations of religious organizations of the USSR were part of “people’s democracy”. This was used as “soft power” to spread the Soviet ideological project. Religious diplomacy contributed to the reduction of international tension, was a channel of alternative relations between the two opposing superpowers in a bipolar world. At the same time, the Soviet Union continued the ideological struggle against religion and its institutions, and the socially significant activities of Soviet religious leaders were addressed only to foreign audiences.*

KEY WORDS: *religion in the cold war, religious diplomacy, the cold war, the “late” Soviet Union, “people’s democracy”, the ROC, Ministry of foreign Affairs, CPSU Central Committee, KGB*

References

Belyakova N.A. (2017) Tserkvi v kholodnoj vojne. Vvedenie [Church in the Cold War. Introduction]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 7–18.

Belyakova N.A., Emel’yanov K.S. (2016) Dukhovnye poiski, tamizdat i samizdat v usloviyah Holodnoj vojny: sud’ba Zoi Krahmaľnikovoj [Spiritual Quest, Tamizdat and Samizdat in the Cold War: the Fate of Zoe Krakhmalnikova]. *Istoriya*, vol. 7, issue 9(53). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001597-5-1>, accessed 03.07.2018.

Chumachenko T.A. (2008) «Soyuz tserkvej sotsialisticheskogo lagerya»: Sovet po

delam RPTs i evolyutsiya vzaimootnoshenij Moskovskoj patriarkhii s pravoslavnyimi tserkvyami stran «narodnoj demokratii» v 1948–1953 gg. [“Union of Churches of the Socialist Camp”: Council for the ROC and the Evolution of Relations Between the Moscow Patriarchate and the Orthodox Churches of the “People’s Democracy” Countries in 1948–1953]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, no 1(11), pp. 67–81.

Chumachenko T.A. (2010) Sovet po delam RPTs i Moskovskaya patriarkhiya v reshenii vneshnepoliticheskikh zadach khrushchevskogo rukovodstva: 1953–1958 gg. [The Council for the Russian Orthodox Church and the Moscow Patriarchate of the decision of Foreign Policy Problems of the Khrushchev Leadership: 1953–1958]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no 4, pp. 107–123.

Chumachenko T. (2017) K voprosu ob obyavlenii v 1966 g. predstavatelya Moskovskogo patriarkhata pri Antiohijskom patriarkhe episkopa Vladimira (Kotlyarova) persona non grata [On the Issue of the Announcement in 1966 of the Representative of the Moscow Patriarchate to the Patriarch of Antioch Bishop Vladimir (Kotlyarov) Persona Non Grata]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 40–63.

Dik Y. (2017) Mennonity Severnoy Ameriki i SSSR v seredine 1950-kh godov: malen’kie lyudi i bol’shaya politika [Mennonites of North America and the USSR in the Mid-1950s: Small People and Big Politics]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 123–146.

French E. (2017) Majkl Burdo i Tsentr po izucheniyu religii i kommunizma v kontekste zashchity religioznoj svobody (1959–1975) [Michael Bourdeaux and The Center for the Study of Religion and Communism in the Context of the Protection of Religious Freedom (1959–1975)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 216–243.

Korol’ V.L. (2013) Mirotvorcheskaya deyatelnost’ Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi na mezhdunarodnoj arene (1956–1991) [Peacekeeping Activity of the Russian Orthodox Church in the International Arena (1956–1991)]. *Vesnik Grodzenskaga dziarzhaŭnaga ŭniversiteta imia Ianki Kupaly. Seriya 1. Gistoryia i arkhealogiya. Filasofiya. Palitalogiya*, no 2(152), pp. 25–37.

Kosik O.V. (2013) *Golosa iz Rossii: Ocherki sbora i peredachi za granitsu informatsii o polozhenii Tserkvi v SSSR (1920-e – nachalo 1930-kh godov)* [Voices from Russia: Essays on the Collection and Transfer of Information Abroad about the Situation of the Church in the USSR (1920s – early 1930s)], Moscow: Izdatel’stvo PSTGU.

Kunter K. (2017) Byl li tretij put’? Vsemirnyj sovet tserkvej v period kholodnoj vojny [Was There a Third Way? World Council of Churches During the Cold War]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 147–163.

Kurlyandskij I.A. (2011) *Stalin, vlast’, religiya (religioznyj faktor vo vnutrennej politike sovetского gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, Power, Religion (A Religious Factor in the Domestic Policy of the Soviet State in 1922–1953)], Moscow: Kuchkovo pole.

Kuroedov V.A. (1981) *Religiya i tserkov’ v sovetskom gosudarstve* [Religion and Church in the Soviet State], Moscow: Izdatel’stvo politicheskoy literatury, pp. 219–222.

Nikitin Avgustin (arkhim.) (2008) *Tserkov’ plenennaya: mitropolit Nikodim (1929–1978) i ego epokha v vospominaniyakh sovremennikov* [The Captive Church: Metropolitan Nicodemus (1929–1978) and his Epoch in the Memoirs of His Contemporaries], Saint Petersburg: Izdatel’stvo SPbU.

Pivovarov N.Yu. (2017) Kogo priglasjali v SSSR i kogo otpravlyali za granitsu po religioznoj linii (1943–1985) [Who was Invited to the USSR and Who Was

Sent Abroad on the Religious Line (1943–1985)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 185–215.

Polunov A.Yu. (2012) *Pravoslavie na mezhdunarodnoj arene. 1914–1918 gg. Istoriko-kul'turnyj kontsept i ego evolyutsiya* [Orthodoxy in the International Arena. 1914–1918. The Historical and Cultural Concept and Its Evolution]. *Rossiya XXI*, no 6, pp. 64–85.

Raeva T.V. (2016) *Osobennosti institutsional'noj organizatsii sovetskogo miroyubiya v epokhu kholodnoj vojny* [Features of the Institutional Organization of the Soviet Peacefulness in the Cold War]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, no 4(11), pp. 56–60.

Shkarovskij M.V. (1999) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-church Relations in the USSR in 1939–1964)], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.

Shlikhta N. (2017) *Kak uchredit' «antisovetskuyu organizatsiyu»: k istorii Kestonskogo instituta i pis'ma veruyushchikh iz Pochaeva* [How to Establish an “Anti-Soviet Organization”: the History of the Keston Institute and the Letters of

Believers from Pochaev]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 1, pp. 244–267.

Vasil'eva O.Yu. (1999) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the Politics of the Soviet State in 1943–1948], Moscow: Institut rossiyskoy istorii.

Vasil'eva O.Yu. (2004) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Vtoroj Vatikanskij Sobor* [The Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council], Moscow: Lepta-Press.

Venger A. (2000) *Rim i Moskva. 1900–1950* [Rome and Moscow. 1900–1950], Moscow: Russkij put'.

Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F. (2008) *Moskva i Vostochnaya Evropa. Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsii 40–50-kh godov XX veka: Ocherki istorii* [Moscow and Eastern Europe. Power and Church in the Period of Social Transformations of the 40–50-ies of the Twentieth Century: Essays on History], Moscow: ROSSPEN.

Yarmusik E.S. (2006) *Katolicheskij kostel v Belarusi v 1945–1990 godakh* [The Catholic Church in Belarus in 1945–1990], Grodno: Grodnenskij gosudarstvennyj universitet imeni Yanki Kupaly.